

ИСТОРИЯ

И.Б. Губанов

КОНСЕРВАТИЗМ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПАРАЛЛЕЛИЗМ СВИДЕТЕЛЬСТВ КОРНЕЛИЯ ТАЦИТА И ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Цель предлагаемой работы — показать традиционный характер общественных институтов, обычаев, этноопределяющих элементов материальной культуры у древних германцев, который выражался в слабом варьировании ведущих социально-культурных маркеров данной традиционной общности людей, по крайней мере, на протяжении целого тысячелетия — от I в. н.э., когда была написана «Германия» Тацита, до эпохи викингов (IX–XI вв. н.э.).

Корнелий Тацит¹ в своем небольшом очерке сумел показать основные присущие обществу и культуре древних германцев черты, которые в большинстве своем прослеживаются и по древнеисландским памятникам, описывающим скандинавов эпохи викингов.

Фактически неизменным остался архаический социальный институт, характерный для большей части традиционных обществ планеты, так называемых «родовых» обществ. Речь идет об институте кровной мести и урегулирования конфликта между кровнородственными коллективами посредством выплаты определенного возмещения. Римский классик в § 21 пишет, что «разделять ненависть отца и сородичей к их врагам и приязнь к тем, с кем они в дружбе, — непреложное правило; впрочем, они не закосневают в непримиримости; ведь даже человекоубийство у них искупается определенным количеством быков и овец, и возмещение за него получает весь род, что идет на пользу и всей общине, так как при безграничной свободе междоусобия особенно пагубны». В эпоху викингов, впрочем, вергельд вы-

плачивался уже главным образом ценностями — драгоценными металлами, деньгами, а не скотом (хотя исландское слово *fé* «деньги» первоначально означало «скот»).

Возмещение за убийство родича, равно как и обязанность кровной мести враждебному родовому коллективу, из которого происходил убийца, видимо, чрезвычайно распространенные социальные институты в архаических обществах. Так, они отмечались не только у древних германцев и скандинавов раннего средневековья², но и в других совершенно различных регионах: на Соломоновых островах (возмещение выплачивалось раковинами каури, по Турнвальду), у африканского этноса *а-камба*, как это описывает Хобли: «Когда совершается убийство, то возмещение в виде коровы, быка или козы имеет значение обряда. Это называется *этумо*. Оно необходимо для того, чтобы защитить семью убийцы, но также и семью жертвы от силы духа-вдохновителя убийства, который, разгневанный, бродит рядом. Даже в том случае, если убийство человека было случайным, все равно необходимо, чтобы было совершено *этумо* (возмещение и обряд), поскольку в воздухе, безусловно, присутствует губительное влияние, иначе ведь несчастный случай никогда бы не произошел. Раньше, когда человек из какого-то клана в сражении между племенами убивал другого, обычай требовал, чтобы брат погибшего подстерег и убил человека из того клана, к которому принадлежал убийца. Обе эти смерти аннулировали одна другую, и вопроса о сделке не возникало. Однако самым главным считалось то, чтобы *этумо* было выплачено и обряды соблюдены»³.

Общественные отношения в значительной степени определяют феномены коллективной исторической психологии. И в данном случае исландские саги демонстрируют примеры психологии людей эпохи архаики, чрезвычайно непохожей на современную. Кровная месть — это первейший долг мужчины в традиционных обществах, а противной стороной выступает не преступник как личность, а весь его кровнородственный коллектив. Главная роль женщины в родовой саге — подстрекательство к кровной мести, что также типично для традиционных обществ. Так, в «Саге о Хравнкеле» служанка подстрекает главного героя *годи* (жреца-вождя небольшой территории) Хравнкеля убить недавно приехавшего в Исландию представителя враждебного родового коллектива, не имевшего отношения к распе: «Hann hafði utan verit sjau vetr <...> Eru honum sögð bratt þau tíðendi, er görsk höfðu, ok let hann ser um þat fatt finnask. Hann var faskiptinn maðr <...>» («Он был вне (Исландии) семь лет <...> Ему тотчас

рассказали (об) этих событиях, но он решил, что это его мало касается. Он был человеком, мало во что вмешивающимся <...>» [перевод — И.Г.]. Показательно, что при этом служанка хвалит будущую жертву, отмечая, каким «выдающимся» («видным», «искусным» — др.-исл. *mennt*) является человек, которого следует убить по законам кровной мести, дабы забрать долг крови: «Eivindr Bjarnason reið her yfir a a Skalavaði með sva fagran skjöld, at ljomaði af. Eg hann sva mennt, at hefnd væri i honum» («Эйвинд, Бьярни сын, проезжал здесь через реку Домобродом с таким блестящим щитом, что (тот) отвечивал! Он такой ладный (муж), что месть была бы на нем (подобающа)!») [перевод — И.Г.]. Подобная психология была присуща мстителем и в других традиционных кровнородственных обществах. Например, Аякс, сын Теламона, в «Илиаде» поражает троянского воина из знатного рода, удостаивая убитого и его род самой высокой оценки. Таким образом, в архаическом обществе кровная месть приносит славу пропорционально благородному происхождению — главному достоинству жертвы. Ю.В. Андреев по этому поводу: «Сравнительная значимость отдельных индивидов нередко ставится поэтом в прямую зависимость от их происхождения. Особенно показателен в этом смысле один эпизод из “Илиады” (XIV, 471 sqq.). В отместку за гибель Протоэнора, павшего от руки Полидаманта, Аякс Теламонид сражает троянца Архелоха, одного из сыновей старца Антенора. Убедившись, что брошенное им копье достигло цели, он, ликуя, кричит Полидаманту: “<...> Разве этот муж не достоин быть мздой за Протоэнора? Он кажется мне не презренным человеком и не из презренного рода (οὐ μὲν μοι κακός εἶδεται οὐδέ κακῶν ἐξ). Наверное, он брат или сын укротителя коней Антенора, ибо к нему он ближе всего по роду”. Ценность индивида, таким образом, определяется тем, к какому роду он принадлежит, так как все качества рода переносятся на каждого из его членов, хотя само понятие рода в данном случае, как, впрочем, и почти во всех других, ограничено рамками одной семьи»⁴.

Как правило, женское подстрекательство к мести обозначается в исландских памятниках глаголом *eggja* «подстрекать, побуждать», «воодушевлять в битве» и, вероятно, этимологически связано с германским обозначением лезвия. Производит впечатление описание подстрекательства к мести в классической «Саге о Ньяле». Несмотря на смятение чувств в предвосхищении кровавой цепи преступлений, Флоси, как и любой другой исландский мужчина и воин, счел своим долгом впоследствии собрать отряд и отомстить роду Ньяля:

Hildigunnr gekk þa fram i skalann ok lauk upp kistu sina. Tok hon þa upp skikkjuna þa er Flosi hafði gefit Höskuldi. I þeirri skikkju hafði Höskuldr veginn verit ok hafði hon þar varðveit i bloðit allt. Hon gekk þa innar i stofuna með skikkjuna. Hon gekk þegjandi at Flosa. þa var Flosi mettr ok af borit af borðinu. Hildigunnr lagði yfir Flosa skikkjuna. Dunði þa bloðit um hann allan. Hon mælti þa: «Þessa skikkju gafst þu, Flosi, Höskuldi ok vil ek nu gefa þer aftur. Var hann i þessi veginn. Skyt ek því til goðs ok goðra manna at ek særi þik fyrir alla krafta Krists þins ok fyrir manndom ok karlmennsku þina at þu hefnir þeirra allra sara sem Höskuldr hafði a ser dauðum eða heit hvers manns niðingr ella». Flosi kastaði af ser skikkjunni ok rak i fang henni ok mælti: «þu ert hit mesta forað ok vildir at ver tækjum þat upp er öllum oss gegnir verst ok eru köld kvenna rað». Flosa bra sva við at hann var i andliti stundum rauðr sem bloð en stundum fölr sem gras en stundum blar sem hel⁵.

Хильдигунн пошла в свою спальную каморку и открыла ларь. Она вынула из него плащ, который Флоси в свое время подарил Хёскульду. В этом плаще Хёскульд был убит, и она сохранила на нем всю его кровь. С плащом в руках она молча подошла к Флоси. Флоси уже поел, и со стола было убрано. Хильдигунн накрыла Флоси плащом, так что его всего обсыпало засохшей кровью. Тогда она сказала: «Этот плащ ты, Флоси, подарил Хёскульду, и я хочу вернуть его тебе назад. Он был убит в нем. Я призываю Бога и добрых людей в свидетели того, что я заклинаю тебя всеми чудесами твоего Христа, твоей честью и твоей доблестью отомстить за те раны, которые были нанесены Хёскульду. Иначе пусть всякий зовет тебя подлым человеком!». Флоси сбросил с себя плащ к ней на руки и сказал: «Ты чудовище! Ты хочешь, чтобы мы взялись за дело, от которого нам всем придется худо. Правду говорят, что гибельны советы женщины». Флоси был в таком волнении, что лицо его делалось то красным, как кровь, то бледным, как трава, то синим, как смерть [перевод В.П. Беркова]⁶.

У австралийских аборигенов женщины также возбуждали воинов на совершение кровной мести: «Женщины начинают обмениваться оскорблениями и возбуждают мужчин до такой степени, что, выйдя из себя и вопя в исступлении, они беспорядочно подпрыгивают, совершают тысячи конвульсивных движений, бесцельно перебегают с места на место и, закусывая бороду зубами, с *ghici* наготове, они то бросаются друг на друга, то отсту-

пают, продолжая вопить и подпрыгивать до тех пор, пока брошенное *ghici* (копье) не приводит к ужасающей свалке. С обеих сторон летит оружие; тем временем женщины, бегая и шумя, вселяют в мужчин отвагу и снабжают их оружием, собирая брошенное “противниками”. Как только среди этой сумятицы на землю падает раненый или убитый, сражение мгновенно прекращается, ярость исчезает и каждый торопится оказать помощь раненому⁷. Функции женщины-мстительницы в германском эпосе подробно рассмотрены Ю.А. Клейнером⁸.

Скорее всего основным кровнородственным коллективом у германцев во времена Тацита был патриархальный *ætt* древнеисландских памятников — большая семья, состоящая из ее главы (старший в семье), сыновей с их женами и их детей, живущая вместе с рабами-домочадцами под одной крышей древнегерманского «длинного дома» на столбах с центральными очагами⁹. Об этом свидетельствуют, во-первых, порядок получения наследства, о котором пишет Тацит, во-вторых, хуторская система расселения, о которой (впрочем, не понимая ее социальной сущности) пишет римлянин. Четко фиксируется приоритетный порядок наследования в пределах трех нисходящих поколений мужских родичей: «Однако наследниками и преемниками умершего могут быть лишь его дети, завещания у них неизвестны. Если он не оставил после себя детей, то его имущество переходит во владение тех, кто по степени родства ему ближе всего — к братьям, к дядьям по отцу, дядьям по матери...» (§ 20). Археологические свидетельства существования «длинных домов» и хуторов на островах Балтийского моря в первые века новой эры подтверждают сообщение Тацита: «Хорошо известно, что народы Германии не живут в городах и даже не терпят, чтобы их жилища примыкали вплотную друг к другу. Селятся же германцы каждый отдельно и сам по себе, где кому приглянулись родник, поляна или дубрава. Свои деревни они размещают не так, как мы, и не скучивают теснящиеся и лепящиеся одно к другому строения, но каждый оставляет вокруг своего дома обширный участок, то ли, чтобы обезопасить себя от пожара, если загорится сосед, то ли из-за неумения строиться. Строят же они, не употребляя ни камня, ни черепицы; все, что им нужно, они сооружают из дерева, почти не отделявая его и не заботясь о внешнем виде строения и о том, чтобы на него приятно было смотреть. Впрочем, кое-какие места на нем они с большой тщательностью обмазывают землей, такой чистой и блестящей, что создается впечатление, будто оно расписано цветными узорами...».

Важнейший социальный древнегерманский институт высшей юрисдикции — народное собрание — также описывается Тацитом. На тинг (др.-исл.

Þing «вещь» — понятие, столь ясное для древнего германца, что не требовало расшифровывания) все мужчины определенной территории сходятся вооруженными и рассаживаются. Там решаются важные для социума вопросы войны и мира и, главное, урегулирования тяжб между враждующими родовыми коллективами¹⁰. Так было во времена Тацита и тысячелетие спустя, в эпоху викингов: «О делах, менее важных, совещаются их старейшины, о более значительных — все; впрочем, старейшины заранее обсуждают и такие дела, решение которых принадлежит только народу <...> Когда толпа сочтет, что пора начинать, они рассаживаются вооруженными. Жрецы велют им соблюдать тишину, располагая при этом правом наказывать непокорных. Затем выслушиваются царь и старейшины в зависимости от их возраста, в зависимости от знатности, в зависимости от боевой славы, в зависимости от красноречия, больше воздействуя убеждением, чем располагая властью приказывать. Если их предложения не встречают сочувствия, участники собрания шумно их отвергают; если, напротив, нравятся, — раскачивают поднятые вверх фреми (копья. — *И.Г.*): ведь воздать похвалу оружием, на их взгляд, — самый почетный вид одобрения». Следует отметить, что и на исландском тинге народ рассаживался вооруженным, а символическое бряцание оружием называлось по-древнеисландски *vápnatak* — «взятие оружия».

Описанию народного собрания у древних германцев, сделанному Тацитом, соответствуют описания исландских саг. Например, важное решение о мире свеев с норвежцами и брачном союзе с их конунгом Олавом Толстым было принято на тинге в Упсале в начале XI в. по настоянию законодателя Торгнира. Люди на этом главном тинге свеев рассаживались, будучи вооружены: «*Þá stóð upp Þorgnýr. En er hann stóð upp, þá stóðu upp allir bændr, þeir er áðr höfðu setit, ok þustu at allir þeir, er í öðrum stöðum höfðu verit, ok vldu hlýða til, hvat Þorgnýr mælti. Var þá fyrst gnýr mikill af fjölmenni ok vápnum. En er hljóð fekksk, þá mælti Þorgnýr...*» («Тогда встал Торгнир. И когда он встал, встали все те бонды, что до того сидели, и подались вперед все те, кто стояли в других местах, и хотели слышать, что скажет Торгнир. Сначала был большой шум от множества людей и [бряцания] оружия. А когда стало тихо, тогда Торгнир сказал...»¹¹).

Помимо осуждения за предательство на поле боя, за которое виновные приговаривались к позорной смерти, у Тацита отмечается гораздо более распространенный приговор народного собрания за менее значительные преступления. Что это за правонарушения, за которые тинг не карал слишком строго? Во-первых, убийство мужчины. За него, как отмечалось выше,

взыскивался вергельд: во времена Тацита — скотом, в эпоху викингов — деньгами. За менее серьезные преступления против личности ответчик также должен был заплатить кровнородственному коллективу потерпевшего: «Но и при более легких проступках наказание соразмерно их важности: с избыточных взыскивается определенное количество лошадей и овец. Часть наложенной на них пени передается царю или племени, часть — пострадавшему или его родичам...».

Известно, что народное собрание как главный правовой институт родового общества существовало и у других этносов периода архаики, например у гомеровских греков, согласно описанию сцены на щите Ахилла в «Илиаде»:

Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
Мзде за убийство; и клялся един, объявляя народу,
Будто он все заплатил; а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
Граждане вокруг их кричат, своему доброходствуя каждый;
Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские
Молча на тесаных камнях сидят среди священного круга;
Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых;
С ними встают, и один за другим свой суд произносят.
В круге пред ними лежат два таланта чистого злата,
Мзда для того, кто из них справедливее право докажет¹².
(Перевод Н. Гнедича)

Видимо, уже в эпоху Тацита в значительной мере сформировалась дружинная культура германцев — стержень языческой культуры северной Европы, известной нам по древнеанглийской и древнеисландской традициям. Вокруг предприимчивых и знатных конунгов собирались активные люди в цветущем возрасте — их боевые товарищи и опора. Надо думать, что, как и в эпоху викингов, это были сотрапезники вождя — несколько десятков человек, пировавших с ним в зале длинного дома. Конунг раздавал дружинникам ценности и мерило удачи в виде браслетов или их частей, поэтому в древнеанглийском «Беовульфе» эпитет конунга — *beaga brytta* «колец ломатель» (делитель)¹³. Корнелий Тацит подчеркивает воинственность древних германцев и, следовательно, возрастающую роль дружинной культуры в традиционном обществе: «Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя; все прочие собираются возле отличающихся телесною силой и уже проявивших себя на деле, и никому не зазорно состоять их дружинниками <...> их величие,

их могущество в том, чтобы быть всегда окруженными большой толпою отборных юношей, в мирное время — их гордостью, на войне — опорой <...> 14. Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляются к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться, да и содержать большую дружину можно не иначе как только насилием и войной; ведь от щедрости своего вождя они требуют боевого коня, той же жаждущей крови победоносной фремеи; что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалования...».

Возможно, культ бога Одина (др.-исл. Óðinn) и образ Вальгаллы (др.-исл. vǫlhall «трупозал»), где это божество — верховный конунг, жрец и маг — пирует с дружиной избранных павших воинов¹⁴, уже сформировались во времена Тацита. В описании наказаний за правонарушения Тацит говорит о том, что телесные наказания за особо тяжкие преступления могут налагаться древнегерманскими жрецами как воплощение воли бога, присутствующего среди сражающихся (вероятно, это Вотан-Один). Иначе сложно интерпретировать свидетельство римлянина о том, что «7 <...> ни карать смертью, ни налагать оковы, ни даже подвергать бичеванию не дозволено никому, кроме жрецов, да и они делают это как бы не в наказание и не по разрешению вождя, а якобы по повелению бога, который, как они верят, присутствует среди сражающихся...».

Помимо этого Тацит выделяет верховную триаду божеств у германцев, хотя и наделяет древнегерманских божеств римскими именами «Меркурия, Геркулеса и Марса». Следует думать, что под именем Геркулеса скрывается рыжебородый бог-громовик Тор (др.-исл. Þór), обладатель поражающего молота, защитник богов от великанов и борец с Мировым Змеем (который в мифологическом эпосе именовался Miðgardsórmr — «червь срединного мира»). Вероятно, «Марсом» Тацит назвал Одина ввиду его центральных воинских функций. Надо думать, Меркурием римлянин назвал бога плодородия и сексуальной силы Фрейра. Идолы вышеозначенных божеств, по свидетельству немецкого хрониста Адама Бременского, стояли в алтаре языческого храма свейской Упсалы еще в конце XI в.: «26. Теперь скажем несколько слов о верованиях свеонов. У этого племени есть знаменитое святилище, которое называется Убсола и расположено недалеко от города Сиктоны. Храм сей весь украшен золотом, а в нем находятся статуи трех почитаемых народом богов. Самый могущественный из их богов — Тор — восседает на престоле в середине парадного зала,

с одной стороны от него — Водан, с другой — Фриккон. Вот как распределяются их полномочия: «Тор, — говорят свеоны, — царит в эфире, он управляет громами и реками, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями. Водан, что означает «ярость», — бог войны, он возбуждает мужество в воинах, сражающихся с неприятелем. Третий бог — Фриккон — дарует смертным мир и наслаждения. Последнего они изображают с огромным фаллосом. Водана свеоны представляют вооруженным, как Марса. Тор напоминает своим скипетром Юпитера (имеется в виду молот Тора — метательное оружие древнего индоевропейского бога-громовика (др.-греч. Зевса, др.-инд. Индры, др.-лит. Перкунаса, восточно-слав. Перуна) аса, восточно-слав. Пебога-громовика, которым это божество поражает Змея (др.-греч. Тифона, др.-индийск. Вритру. — *И.Г.*). Они также почитают обожествленных людей, даря им бессмертие за славные деяния. В «Житии святого Ансария» упоминается, что подобным образом свеоны обожествили короля Эрика. *«Схолия 134.* Около святилища растет большое дерево с раскидистыми ветвями, зеленеющее и зимой, и летом, и никто не знает, какова природа этого дерева. Там также находится источник, где язычники совершают жертвоприношения, ввергая в него живого человека: если он не всплывает, то это обозначает, что желание народа осуществится. (Возможно, дерево символизирует Мировое Древо — ясьень Иггдрасиль, а источник у его корня — священный источник Урд. — *И.Г.*) *Схолия 135.* Сей храм окружает золотая цепь, висящая по скатам здания и густо окрашивающая в золотой цвет всех входящих. Это святилище расположено в равнинной местности, которая со всех сторон окружена горами наподобие театра. 27. Ко всем их богам приставлены жрецы, ведающие племенными жертвоприношениями. Если грозит голод или мор, они приносят жертву идолу Тора, если война, Водану, если предстоит справлять свадьбы, Фриккону. Свеоны, кроме того, имеют обычай каждые девять лет устраивать в Убсоле торжество, собирающее жителей всех областей страны. От участия в этом торжестве не освобождается никто. Цари и народы, вместе и поодиночке, все отсылают свои дары в Убсолу, и, что ужаснее всего, те, кто уже принял христианство, вынуждены откупаться от участия в подобных церемониях. Вот как происходит жертвоприношение. Из всей живности мужского пола приносится девять голов: считается, что их кровь умилит богов. Тела же этих животных развешиваются в близлежащей роще. Эта роща священна для свеонов, потому что, согласно поверью, благодаря смерти и разложению жертв ее деревья становятся божественными. Один христианин рассказывал мне, что видел в этой роще висевшие вперемеш-

ку тела собак, лошадей и людей, общим числом 72. (Возможно, жертвы имитировали известный мифологический сюжет — самоповешение Одина на ясене Иггдрасиль с целью достижения знания магических рун. — *И.Г.*) А о многочисленных нечестивых магических песнопениях, которые они обычно исполняют, совершая обряд жертвоприношения, лучше будет вообще умолчать»¹⁵.

Таким образом, данные Тацита свидетельствуют, что традиционное древнегерманское общество как преимущественно единое социо-культурное сообщество архаического типа в своих главных чертах не подверглось существенным изменениям с I в. н.э. до XI в. н.э.

¹ Тацит Корнелий. Собрание сочинений: В 2 т. СПб., 1993. Т. 2.

² Губанов И.Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб., 2004. С. 24–36.

³ Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб., 2002. С. 209–210; Hopley C.W. Further researches into Kikuyu and Kamba religious beliefs and custom // J.A.I. LXI. P. 426.

⁴ Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. СПб., 2004. С. 273–274.

⁵ Brennu-Njáls saga. 1970. P. 285–286]

⁶ Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 338.

⁷ Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб., 2002. С. 207.

⁸ Клейнер Ю.А. Сюжет — песнь — традиция // Слово в контексте литературной эволюции. М., 1993. С. 44–54. Перепечатано: Слово в перспективе литературной эволюции. К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского. М., 2004. С. 161–172.

⁹ Губанов И.Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб., 2004. С. 12–19.

¹⁰ Губанов И.Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб., 2004. С. 32–36.

¹¹ Джексон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994. С. 61, 73.

¹² Гомер. Илиада. М., 1987. С. 497.

¹³ Губанов И.Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб., 2004. С. 39.

¹⁴ Губанов И.Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб., 2004. С. 133–136.

¹⁵ Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999. С. 97–98.